

МАРИНА СЕРОВА КАК СТАТЬ МИЛЛИАРДЕРОМ

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Как стать миллиардером

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Как стать миллиардером / М. С. Серова — «Научная книга»,
2009 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Бодигард Евгения Охотникова – профессионал экстра-класса, имеет черный пояс карате. Но несмотря на эти и прочие достоинства – она обычный человек. И когда на улице стоит сорокаградусная жара, ей хочется искупаться и позагорать. Но, видно, не судьба: наметился новый клиент. Константин Серегин сообщил, что двое бандитов подкараулили его в подъезде. Вымогатели потребовали три с половиной миллиона долларов – как раз ту сумму, которую они с партнером Умецким взяли в кредит на развитие своего бизнеса. Врагов у Серегина могло быть полгорода: слишком жестко они с партнером вели бизнес, расправляясь с конкурентами...

Содержание

1 июля, воскресенье	5
2 июля, понедельник	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Как стать миллиардером

1 июля, воскресенье

Редкие облака плыли высоко в ярко-голубом небе, будто стараясь держаться подальше от раскаленного города. Всю неделю температура не опускалась ниже тридцати семи, но воскресенье выдалось настолько жарким, что даже центр города выглядел пустынным. Прохожие крались вдоль домов, стараясь держаться в спасительной тени, спеша домой под защиту кондиционеров. Менее счастливые граждане, не накопившие необходимой суммы на незаменимую в условиях глобального потепления бытовую технику, наоборот, стремились прочь из города, на пляж. Набитые битком автобусы медленно ползли по пыльным улицам, чихая и фыркая. Глядя сквозь мутное стекло на потные, покрасневшие лица, я в сотый раз пожалела о своем так не вовремя отданном на профилактику «Фольксвагене» и в тысячный – об упрямстве тети Милы, ни под каким видом не соглашавшейся установить кондиционер. Мне предстоял нелегкий выбор: либо доехать до пляжа в душегубке, стоя на одной ноге, обливаясь потом и дыша выхлопными газами, либо неизвестно сколько плестись по раскаленному асфальту. Немного колебавшись, я выбрала пытку медленную, но менее мучительную. В конце концов, до пляжа не так уж и далеко, а время от времени налетающий ветерок создавал хоть какую-то иллюзию прохлады. Вдохнув, я перешла на другую сторону улицы и двинулась в сторону пляжа.

Путь мой пролегал по улице Свердлова, мимо многочисленных киосков с мороженым и прохладительными напитками, что являлось еще одним плюсом пешего хода. Пройдя еще пару кварталов, я решила сжалиться над собой и остановилась возле палатки.

– «Эй, мамбо! Мамбо италиано. Эй, мамбо! Мамбо италиано. Го, го, го, ю миксед ап сицилиано», – слышалось из сумочки.

Вынимая мобильник, я подумала, что следует, наконец, сменить давно надоевшую мелодию.

– Алло, – сказала я.

– Евгения Максимовна?

– Да, слушаю, – ответила я.

– Добрый день. Моя фамилия Серегин. Серегин Константин Вячеславович, коммерческий директор и соучредитель ООО «Феникс». Мне необходима ваша помощь. Когда мы с вами можем встретиться?

Я повернулась к витрине ближайшего магазина и критически осмотрела свое отражение с ног до головы. Собственно, почему бы и нет? Если сделать скидку на жару, мой пляжный сарафан в стиле «а-ля рюс пейзаж» вполне мог сойти за деловой костюм для встречи с потенциальным работодателем.

– Когда вам удобно, – сказала я. – Если дело срочное, можно прямо сейчас.

– Замечательно. Вы знаете «Одуванчик»? Это такое летнее кафе на Свердлова.

– Да, я как раз нахожусь неподалеку.

– Замечательно. Я подъеду примерно через полчаса, вы успеете?

– Разумеется. Я минутах в пяти, если приглядеться, то могу даже вывеску рассмотреть.

– Подходите туда, я выезжаю.

В кафе было заметно прохладнее, чем на улице. Заказывая сок и мороженое, я запоздало пожалела об испорченном отдыхе. Что ж, это – часть моей работы. Ведь я – телохранитель. Мне в любой момент может позвонить человек, которому угрожает опасность, и тогда я бросаю все и помогаю, и все старания направлены на то, чтобы сохранить жизнь подопечного. Я не

имею права чувствовать ни холода, ни голода, ни жары, ни жажды, ни усталости, пока клиенту грозит опасность. Мое существование должно быть подчинено одной цели – сохранить ему жизнь, даже прикрыв от пули собственным телом.

– Девушка, у вас свободно? – На соседний стул плюхнулся мужчина лет тридцати с небольшим, одетый в длинные шорты и несвежую цветастую рубашку. Он был непомерно высок, худ и костляв, а голове его явно не помешало бы близкое знакомство с расческой.

– Нет, – отрезала я. – У меня назначена встреча.

– С подругой? Ничего страшного, пообедаем вдвоем, – не смутился тот. – А это вам.

На столе между стаканом сока и вазочкой с мороженым появились три подвявшие розочки и две еще менее свежие гвоздики.

– Спасибо, не нужно, – ледяным тоном ответила я. От каждого моего слова температура в кафе падала градуса этак на полтора. – И вообще, почему бы вам не пересест? Вон сколько мест свободно. – Я обвела широким жестом пустые столики.

– Возможно, потому, что мне просто хочется познакомиться с симпатичной девушкой. – Нахал и не подумал сдаваться.

– Подите вон, – тоном аристократки середины позапрошлого века произнесла я. – Вы мне отвратительны. – И совершенно другим тоном спокойно добавила: – А если вы немедленно не оставите меня в покое, я сломаю вам руку.

– Что значит сломанная рука по сравнению с разбитым сердцем... – начал было мужчина.

Больше ничего он произнести не успел. Перегнувшись через стол, я схватила его за руку, рванула ее на себя и вывернула в лучезапястном суставе.

– Больно? – участливо спросила я, заглядывая в округлившиеся от боли глаза.

– Не отрицаю, Евгения Максимовна, очень, – выдавил из себя пристава.

– Постойте, ваша фамилия Серегин? – спросила я, отпуская его руку.

– Совершенно верно. Серегин Константин Вячеславович, прошу любить и жаловать. Коммерческий директор и соучредитель ООО «Феникс», – ответил мой потенциальный работодатель, массируя чудом не сломанную конечность.

– Я не ждала вас так скоро, – сказала я. – Вы что, следили за мной?

– Нет, что вы! Конечно, прежде чем позвонить, я наводил о вас справки. Не только о вас, но и о других телохранителях, проживающих в нашем городе. И вдруг случайно увидел вас на улице, решил – судьба. Позвонил. Обычное совпадение.

Я задумалась. Ни в судьбу, ни в совпадения я не верила, но в то, что я могла не заметить слезки, верилось еще меньше. Особенно если топтун одет в такой попугайский наряд.

– К чему тогда весь этот маскарад? – строго спросила я.

– Какой маскарад? – искренне удивился клиент.

– Ну как же... рубашка эта ваша, цветы...

– А что не так с рубашкой? – обиделся Серегин. – Мне нравится. Ярко. А цветы и прочее... Надеюсь, вы не сердитесь на меня за маленькую шутку?

– Нет, – улыбнулась я. – Шутка удалась. Простите за руку.

– Пустяки, – он махнул здоровой рукой. – До свадьбы заживет.

– Вы говорили, что наводили обо мне справки. У кого, если не секрет?

– Никакого секрета. – Константин Вячеславович перечислил с десятков фамилий моих предыдущих клиентов. – Если вам интересно, то отзывы были исключительно положительные, все рекомендовали вас как отличного телохранителя, профессионала экстра-класса.

– Спасибо, – кивнула я. – И зачем же вам понадобился телохранитель экстра-класса? Вам угрожают?

– Кашлял я на угрозы, – проворчал Серегин. – Из-за угроз я бы и сам не стал беспокоиться, и вас бы не потревожил. Звонили, конечно, несколько раз, требовали денег за то, чтобы

оставить меня в покое. Три с половиной миллиона. Представляете аппетиты? Естественно, я посылал их куда подальше. Но вчера они перешли к действиям.

– Вот как? На вас было совершено покушение? – спросила я.

– Да, вчера меня встретили в подъезде два лба с пистолетом. Один, к счастью, был без оружия, это-то меня и спасло. Сбил его с ног, выскочил на улицу, позвонил Боре, тот еще не успел далеко отъехать, быстро сообразил что к чему, вернулся. Но нападавших, конечно, уже и след простыл.

– Боря – это ваш шофер? – уточнила я.

– Да, шофер и телохранитель в одном лице. Бывший десантник, отличный водитель и просто хороший парень, – ответил клиент.

– У вас есть предположения, кто мог бы желать вашей смерти?

– Примерно пол-Тарасова, – ухмыльнулся Константин Вячеславович. – Работа у меня такая.

– Но вы ведь вроде бы коммерческий директор какого-то ЗАО?

– ООО «Феникс», – поправил меня клиент. – В том-то и дело. Вы даже не представляете, как трудно в нашей стране делать деньги. До того, как выйти на нынешний уровень, нам с партнером много чем пришлось заниматься. Учреждали по десятку фирм одновременно, брали кредиты сразу в нескольких банках, ловчили с налогами, клиентов кидали по-черному. Разоряли одни фирмы и тут же открывали новые. Покупали все, что под руку подвернется, продавали и покупали снова. Многим серьезным людям дорожку перебежали. Слава богу, все это уже позади. Левые фирмы распустили окончательно, по старым долгам расплатились, новое здание себе построили. Еще один кредит недавно взяли, но по нему уже можем рассчитаться вполне уверенно и без каких-либо махинаций. Казалось, остается жить да радоваться, и вдруг такое, – Серегин огорченно вздохнул. – Кстати, кредит мы взяли именно на три с половиной миллиона. Вам это не кажется странным?

– Да, совпадений для одного дня многовато, – ответила я. – Кто еще, кроме вас, знал об этом кредите?

– Значит, вы беретесь меня охранять? – хитро прищурился Серегин.

– Пока не решила. Те люди, у которых вы наводили обо мне справки, упоминали о моих гонорах?

– Упоминали, – кивнул головой Серегин. – Но мне кажется, что две тысячи в сутки – это меньше, чем три с половиной миллиона, не так ли? Я уже не говорю о стоимости своей шкуры.

– Что ж, Константин Вячеславович, – сказала я, вставая, – мне необходимо подумать. Ваш номер у меня есть. Завтра я вам перезвоню и сообщу о своем решении.

– Замечательно, – снова кивнул клиент. – Уверен, вы не откажете мне в помощи.

Я попрощалась и пошла к выходу, мысленно вздохнув о пляжном песке и прохладной волжской водице.

– Что, уже накупалась? – изумилась тетя Мила. – Так быстро?

– Нет, искупаться не получилось, – бодро ответила я. – Зато опять работу нашла!

– Работу? – охнула тетя Мила. – Да бог с тобой, ты же совсем недавно закончила. Отдохни хоть немного.

– Человеку грозит опасность, – сказала я. – А мне светят неплохие деньги.

– Вечно у вас, молодых, опасности да деньги, – проворчала тетя Мила. – Нет бы о себе подумать, о здоровье... Разве можно так жить? Ты хоть поешь или сразу работать побежишь?

– Поем, конечно, – проворковала я, чмокая тетю в щечку. – От твоих обедов я ни за что не откажусь, пусть хоть весь мир горит синим пламенем.

– Ой, лиса, – вздохнула тетя Мила. – Ладно, мой руки и иди на кухню, у меня уже почти все готово.

Под словом «все» тетя подразумевала томатный суп, салат из свежих помидоров, какую-то жареную рыбу, которую я, как ни билась, так и не смогла определить, и вкуснейшие пирожки с повидлом к чаю.

– Итальянцы говорят, что для приготовления настоящего салата требуются четыре человека: щедрый для масла, скупец для уксуса, философ для специй и сумасшедший для смешивания, – сказала я, проглатывая очередную ложку. – Тетя, дорогая, как тебе удастся совмещать всех четверых в одном лице?

– Ну, вот я уже и на четверть сумасшедшая, – всплеснула руками тетя Мила. – А я-то думала, что это ты у меня полоумная.

– Что ты, тетя, я совсем не то хотела сказать, – смутилась я.

– Знаю, – улыбнулась тетя Мила. – Я пошутила. А итальянцы твои только в макаронах толк знают, салаты ихние так себе, на троечку.

– А это чей рецепт? – спросила я, подцепляя ложкой ломтик помидора и с интересом его рассматривая.

– Да кто ж его знает? – пожала плечами тетя Мила. – Наш, наверно, русский. Что, нравится?

– Угу, офень фкуфно, – ответила я.

– Не говори с набитым ртом, подавишься, – назидательно произнесла тетя Мила. – Что за Ворошиловка у вас такая, черт знает чему научили, а элементарного не объясняли.

– Объясняли, тетя, еще как объясняли, – заверила я ее, надкусывая пирожок. – Я просто то занятие прогуляла.

Тетя в ужасе онемела, и мне тут же пришлось добавить, что я пошутила. На этом разговор и закончился. Я наскоро проглотила еще пару пирожков, поблагодарила тетю Милу за обед и пошла в свою комнату. Пора было подумать о работе.

Прежде всего я хотела проверить список своих бывших клиентов, перечисленных Серегиным. Первым номером значился Алексей Николаевич Бугров. Ничего удивительного, каждому хочется при случае похвастаться знакомством с сильными мира сего, и Серегин не был исключением. Немного поколебавшись, я вынула из сумочки мобильник и набрала номер Бугрова.

– Добрый день, Алексей Николаевич. Это вас Охотникова беспокоит. Я вас не отвлекаю?

– Узнал, Женечка, узнал! – радостно откликнулся Бугров. – Нет, ни в коем случае не отвлекаете. Для вас у меня всегда найдется свободная минута. Как там ваша селяви? Как бизнес, как здоровье, как тетя? Что на личном фронте?

– Спасибо, Алексей Николаевич, все отлично. Если не считать, что тете пока так и не удалось выдать меня замуж. – Я позволила себе пошутить. Бугров был в курсе своеобразного хобби моей родственницы и коротко хмыкнул. – А у вас что нового?

– Благодарю, Женечка, все на высшем уровне. Империя благоденствует, стада тучны, урожаи обильны. Народ ликует, войска продвигаются. И все это – отчасти благодаря вам!

Должно быть, я вздохнула слишком громко, Бугров услышал и тут же перешел на строгий деловой тон:

– Прошу прощения, дорогая. Знаю, не любите, когда вам о прошлых заслугах напоминают. Итак, чем обязан?

– Алексей Николаевич, вам знаком человек по фамилии Серегин?

– Константин Вячеславович, если не ошибаюсь? Да, знаком, однако знакомство шапочное. Не мой уровень. Встречались два или три раза, я ему визитку оставил, но если бы он сам утром мне не позвонил, я бы о его существовании и не вспомнил.

– Вот как, он вам сегодня звонил?

– Да, и отнял кучу времени. О вас расспрашивал, Евгения Максимовна.

– Скажите, пожалуйста, Алексей Николаевич, а что именно его интересовало?

– Буквально все. Цитирую: «О человеке, которому собираешься доверить свою жизнь, нужно знать все, вплоть до размера обуви». Хорошая, кстати, фраза, я даже записал. Обязательно использую при случае.

– Не думаю, что вы знаете мой размер, – улыбнулась я.

– Нет, не знаю. В общих чертах я ему рассказал о нашем деле то же самое, что было в газетах. Но он еще до звонка мне знал о вас достаточно много. Например, о вашей учебе в Ворошиловке.

– Должно быть, вы были не первым, кому он звонил, – предположила я. – А что вы можете сказать о Серегине как о человеке?

– Впечатление скорее положительное, – сказал Бугров после некоторого размышления. – Такой куда угодно без мыла влезет. Вот можете себе представить, я, вместо того чтобы попросту его послать, сидел битый час и отвечал на вопросы. Настойчив, подлец, но вежлив. И красноречив. Пожалуй, если у него с бизнесом не сложится, я его в свою команду возьму. И номер своего мобильного я кому попало не даю, а вот ему почему-то дал в свое время. Короче, очень талантливый молодой человек.

– И еще вопрос. Алексей Николаевич, вы не могли бы припомнить, во сколько точно он вам звонил?

– С точностью до минуты – не могу. Что-то между одиннадцатью и без пятнадцати двенадцать. По выходным я редко смотрю на часы. Слава богу, могу себе позволить.

– Спасибо, Алексей Николаевич, вы мне очень помогли.

– Женечка, – с расстановкой сказал Бугров. – Давайте договоримся. Не благодарите меня по пустякам. А я не буду вам напоминать, что это я должен вас благодарить. Всю оставшуюся жизнь.

– Договорились, Алексей Николаевич. Но все-таки спасибо вам в последний раз, большое-пребольшое!

– Не за что, Женечка. Удачи!

Я положила трубку. К общему портрету Серегина можно было добавить еще один штрих – прямо-таки нечеловеческую энергию. Если верить его словам, на угрозы вымогателей он не обращал внимания до вчерашнего покушения. Но уже к сегодняшнему утру успел не только обзвонить десяток моих бывших клиентов и допросить их с пристрастием, но и собрать информацию еще на двух-трех частных телохранителей. Я представила, как он среди ночи вытаскивает людей из постели для того, чтобы спросить, какой размер обуви у их бодигардов, и окончательно уверилась в том, что этот человек просто обязан иметь с полсотни смертельных врагов.

Я набрала номер Серегина.

– Да? – спросил клиент низким грудным голосом.

– Константин Вячеславович, я согласна. Когда можно приступить?

– Странный вопрос, Евгения Максимовна. Я думаю, что раз уж они решились на одно покушение, то в любую минуту можно ожидать следующего. Вы можете подъехать прямо сейчас? – Серегин продиктовал адрес.

– Да, конечно, ждите.

– Замечательно, я вас встречу.

Сборы не заняли много времени. Я переоделась в просторную футболку и потертые джинсы. Закрепила на правой голени кобуру с револьвером и десантный нож – на левой. Стащила со шкафа спортивную сумку и побросала в нее предметы первой необходимости: комплект подслушивающе-подглядывающей аппаратуры, коробку патронов, ноутбук, набор гримировальных принадлежностей, два или три парика, пару костюмов, прибор ночного видения, зубную щетку... Мало-помалу мой набор самого необходимого стал похож на багаж пассажира рейса Стамбул – Москва. Я критически осмотрела баул и снова взяла мобильник.

– Алло, Шурик? Это Охотникова беспокоит. Долго еще, зверь ты бесчеловечный, собираешься издеваться над моим «Фольксвагеном»?

– Охотникова, поймей совесть! – взмолился Шурик. – Ты же его только вчера пригнала, а тут работы дня на три, если не больше. Одно бодрит, на этот раз почему-то без пробоин.

– Шурик, хватит мне зубы заговаривать. Ты, между прочим, эти самые пробоины мне за день залатал, а на обычную профилактику три дня нужно, да?

– Жень, тебе что нужно, чтоб быстро или чтоб хорошо?

– Чтоб отлично и очень быстро.

– Мама дорогая, и эта женщина мне еще о совести напоминает! – патетически воскликнул Шурик. – Охотникова, ты, между прочим, не одна у меня такая.

– И кого же ты сейчас обслуживаешь, что старой подруге и постоянной клиентке не можешь вне очереди машину посмотреть? Уж не президента ли? – усмехнулась я.

– Ладно, – примирительно сказал Шурик. – Когда тебе твой вертолет нужен?

– Вчера к обеду, – категорично заявила я.

– Завтра вечером, – Шурик был не менее категоричен. – Раньше никак нельзя. Честное слово, Жень! Соседским поросенком клянусь.

– Ладно, уговорил. Перезвони, когда будет готово, я скажу, куда подогнать. Сама заехать не смогу.

– Хорошо, сделаем. Бывай.

– И тебе не хворать.

Я закинула сумку на плечо и вышла. Надо бы записать на плеер «Дубинушку», специально для подобных случаев.

К немалому моему удивлению, Серегин ждал меня прямо на автобусной остановке.

– Константин Вячеславович, вы с ума сошли! – возмутилась я.

– Виноват, Евгения Максимовна, не вытерпел, – развел руками Серегин. – Больше не повторится, обещаю. Впрочем, у нас в это время довольнолюдно. Как жара спадает, всех на улицу тянет. Не думаю, что в меня станут стрелять при таком количестве свидетелей. Киллеры – народ скромный, им публика и овации ни к чему. Давайте я вам помогу.

– Нет, спасибо.

– Как скажете. Но если вдруг передумаете – не стесняйтесь, смело можете использовать меня в качестве верблюда. Идемте, тут недалеко.

Серегин жил в новой панельной пятнадцатизэтажке напротив какого-то заброшенного завода. Как я и предполагала, домофон не работал.

– Третий день уже починить не могут, – виновато сказал клиент. – Только квартплату вовремя собирают, гады. – И добавил, выразительно глядя на мою ношу: – Лифт, кстати, тоже не работает.

Я вспомнила номер квартиры Серегина, посчитала количество квартир на площадке и прикинула, на какой этаж придется подниматься. Получилось семь. Оставалось только скрипнуть зубами.

– Спасибо, Константин Вячеславович, но я все-таки сама. А лифт у вас тоже три дня ремонтируют?

– Нет, лифт сломался только вчера. С утра работал, вечером уже нет. Вы думаете, его вывели из строя киллеры?

– Я не верю в совпадения, – ответила я, стараясь не пыхтеть.

– Надо будет у соседей поспрашивать. Если лифт сломался вечером, то вопросов нет. А если уж ближе к обеду – то вы совершенно напрасно не верите в совпадения, Евгения Максимовна. Вот здесь на меня напали, – сказал Серегин, останавливаясь на площадке между пятым и шестым этажом.

Я посмотрела на глубокую царапину на стене. Стреляли дважды, с площадки шестого этажа. Первая пуля скрикнула от стены и, по идее, должна была уйти в пол межэтажной площадки. Я посмотрела на пол. Заметная выбоина находилась примерно в том месте, где я и ожидала увидеть. Вторая пуля пробила оконную раму и вышла наружу.

– Один ждал наверху, второй вошел в подъезд следом за мной, – сказал Серегин. – Первый дождался, пока я поднимусь до четвертого, потом начал спускаться мне навстречу. Как он на площадке повернул, я у него пистолет и увидел. Тут я впервые в жизни почувствовал, как адреналин выделяется. Побежал вниз. Столкнулся со вторым, прижал его к стене, дал разок в рыло. На большее времени не хватило, побежал дальше. Мобилу из кармана вытащил, а где и как на кнопку нажать успел – сам не понимаю. Очухался уже на улице, в двух кварталах отсюда. А вот это, – на ладони Серегина появилась пуля и две стреляные гильзы, – Боря уже потом на лестнице нашел.

Я взяла пулю, повертела, взвесила на ладони.

– Странно, – сказала я задумчиво. – Работали явно не профессионалы, но использовали пистолет иностранного производства, стандартного натовского калибра, точнее сказать трудно. У нас таких точно не делают. Скажите, Константин Вячеславович, а вы могли бы опознать кого-либо из них?

– Верхнего точно нет, я его практически не видел. А нижнего видел очень даже близко, хотя и недолго. Может, и смог бы. Помню только, что руки у обоих от наколок аж синие были, но это разве примета?

Я молча кивнула.

– Опишите, пожалуйста, того, которого вы более-менее рассмотрели.

Серегин надолго задумался.

– Мужик лет тридцати с хвостиком, – сказал он наконец. – Ростом чуть ниже меня. Здоровый, гад. Я с ним только потому и справился, что сверху вниз бежал, сила тяжести помогла. А больше ничего сказать не могу, усов, шрамов и прочих особых примет у него на морде не было. Вот если б по фотографии или на улице встретить – может, еще и узнал бы. Ну что, пойдём дальше?

Клиент пошел наверх. На седьмом этаже он остановился, подошел к крайней правой двери и позвонил, изобразив мелодию «Спартак – чемпион». Дверь открыла молодая женщина с годовалой девочкой на руках.

– Знакомьтесь, пожалуйста: мое счастье, моя радость, – сказал Серегин, поочередно указывая на жену и дочь.

– Лена, – протянула мне руку его жена. – Евгения Максимовна, вы не будете возражать, если я буду звать вас по имени? И вы меня зовите просто Лена. Терпеть не могу отчество. Длинно и неудобно.

«Радость» агукнула, видимо, выражая согласие. Впрочем, с тем же успехом это могло быть и несогласие, и просто агуканье, ради искусства.

– Нет, что вы, не возражаю, – ответила я. Лена мне почему-то сразу понравилась.

– Егорка, иди-ка сюда! – крикнул Серегин.

В прихожей появился симпатичный вихрастый мальчуган с пластмассовой винтовкой в руках.

– Знакомься, Егор, это тетя Женя, – представил меня Серегин-старший. – Слушайся ее, как меня и маму. И даже больше. Понял?

– Понял, дядь Кость, – кивнул Егорка. – Тетя Женя, а вы нас теперь охранять будете?

– Да, – улыбнулась я.

– А у вас пистолет настоящий есть?

– Так, все расспросы потом, – сказал Серегин, забирая девочку у жены. – Молодежь со мной, а мама пусть пока покажет тете Жене ее комнату. Как тетя Женя устроится, она сама все подробно расскажет.

– Замечательно, – с серьезным видом кивнул Егорка.

Мы, взрослые, расхохотались на три голоса.

– Пойдемте, Женя, я вам комнату покажу, – сказала Лена, отсмеявшись.

Комната была небольшая, но светлая и неплохо обставленная. Кроме нового итальянского дивана в ней были еще и журнальный столик, и два кресла, и даже телевизор. Но больше всего я обрадовалась кондиционеру.

– Скажите, Лена, Егор не родной сын Константина Вячеславовича? – спросила я, когда за нами закрылась дверь.

– Нет, – покачала головой Лена. – Иришка у меня от Кости, а Егорка от первого мужа. Я до знакомства с Костей была замужем за Умецким.

– За Умецким? – переспросила я.

– Костя вам не говорил? – удивилась Лена. – Умецкий – это генеральный директор и фактический владелец «Феникса».

Кажется, у меня появился первый подозреваемый.

– Странно. Константин Вячеславович говорил, что он соучредитель фирмы.

– Так-то оно так, вот только доли у них очень уж неравные. Умецкому принадлежит восемьдесят шесть процентов фирмы, Косте – остальные четырнадцать.

– Как вы считаете, Умецкий мог желать смерти Константина Вячеславовича? – прямо спросила я.

– Нет, что вы, ни в коем случае.

– Почему вы так думаете?

– Умецкий – никто. Пустое место. Он совершенно ни на что не способен. Ой... нет, не в том смысле, в котором вы подумали. Хотя и в этом, между прочим, тоже. Но я имела в виду другое. Он – ноль. Большой круглый ноль, и даже несколько нолей, а Костя – та самая единичка, которая придает смысл всем этим нолям. Всем, что он сегодня имеет, Умецкий обязан Косте. Если бы не Костя, он и сейчас сидел бы в том же подвале, что и два года назад. Костя фактически создал «Феникс». Умецкий не способен родить ни одной идеи, а из Кости они сыплются, как из рога изобилия, причем все, как одна, гениальные. Умецкому нет смысла убивать Костю. Это все равно что самому подписать себе приговор. Нет, по миру он, конечно, не пойдет, но хоть о каком-то дальнейшем развитии бизнеса придется забыть. В общем, стрелять в Костю мог кто угодно, только не Умецкий.

Я подумала, что, кроме денег, у Умецкого могли быть еще, по крайней мере, две причины убить Серегина: жена и сын. Но говорить об этом вслух я не стала.

– Совсем я вас заболтала! – всплеснула руками Лена. – Идемте ужинать. У нас сегодня фаршированный кролик. Да бросьте же вы сумку, идем, пока не остыл.

Кулинаром Лена была вполне приличным. Хотя тетя Мила меня порядком избаловала, я смогла по достоинству оценить и кролика, и вкуснейшие сырники. Серегин ел молча, уставившись в тарелку и монотонно работая челюстями, словно механизм для уничтожения продуктов. Зато Егорка болтал за двоих, буквально засыпав меня вопросами. Тетя Женя, а вы хорошо стреляете? А вы знаете карате? А меня научите? А у вас много патронов? А у вас есть наручники? А почему форму не носите? Лена тоже почти не вмешивалась, приходя мне на помощь лишь тогда, когда количество вопросов в единицу времени превышало предельно допустимую норму. Я стойко отбивалась, но, несмотря на все мои старания, сырники у Егорки кончились раньше, чем вопросы.

– Поел, боец? – спросил Серегин, как только с последним сырником было покончено. – Ну, тогда кругом марш, чистить зубы и спать.

Когда Егорка вышел, клиент встал, плотно прикрыл дверь и поставил на стол початую бутылку коньяка.

– Военный совет объявляю открытым. Посидим, о делах наших скорбных покалякаем, – мрачно процитировал он, наполняя рюмки.

– Начнем с главного, – предложила я. – Константин Вячеславович, вы кого-нибудь подозреваете?

– Никого конкретно, – покачал головой клиент. – Вообще-то мы старались работать аккуратно и, если уж приходилось кого-то всерьез опустить, уничтожали его полностью, чтоб потом проблем с народными мстителями не возникало... Нет, не подумайте плохого, Евгения Максимовна, уничтожали не физически. Экономически. Разоряли на фиг так, чтоб на семечки денег не оставалось, не то что на киллеров. Ничего криминального. Заказы перехватывали, цены сбивали... Бывало и такое, что компетентным органам или газетчикам компромат на чересчур толстых конкурентов подсовывали. А с особо толстыми, наоборот, стремились дружить.

– Людей следует либо ласкать, либо изничтожать... – процитировала я.

– ...ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое не может, – подхватил Серегин. – Никколо Макиавелли, знаю. У меня эта цитата в кабинете в рамочке висит. Очевидно, кого-то пропустили, не приласкали или изничтожили не полностью. Вот теперь и мстит, зараза.

– У вас есть куда пристроить детей, пока все не уляжется? – спросила я.

– Увы, нет, – ответил Серегин. – Егорку еще можно было бы отправить к моим родителям в Смоленск или, скажем, в пионерлагерь, а вот что с Иришкой делать – ума не приложу.

– Вовсе не обязательно отправлять ее куда-то одну, – подсказала я.

– Так и мне тоже деваться некуда, – грустно вздохнула Лена. – Я ведь интернатовская, а Костины родители с самого начала против меня были настроены. До сих пор никак понять не могу, почему они меня так невзлюбили? Даже не видели ни разу. Представляете, Женя, на свадьбу не приехали!

– Перестань, – сказал Серегин. – Со временем все уляжется, не беспокойся.

– Вы могли бы просто съездить куда-нибудь отдохнуть, – сказала я. – На Черное море, на Кипр или, например, в Хорватию. Вокруг куча турфирм, уверена, хоть в какой-нибудь да найдется специальный тур для молодых мам.

– С Иришкой по гостиницам да по самолетам мотаться? – фыркнула Лена. – Как вы себе это представляете? Нет, уж лучше я все лето под замком просижу. Но ведь это не на все лето, ведь правда? Вы ведь их быстро поймаете, Женя?

В голосе Лены было столько надежды и тревоги, что у меня комок к горлу подкатил.

– Да, конечно, – сказала я осторожно, стараясь не выдать волнения. – Но какое-то время вам все-таки придется посидеть взаперти. Кто-нибудь может вам помочь по хозяйству?

– Об этом не беспокойтесь, – ответил за нее Серегин. – Я уже говорил с Борей, он согласился помочь. Он вообще отличный парень. Уверен, вы с ним поладите.

– Ну, тогда все в порядке. Дверь у вас хорошая, многое способна выдержать. Окна вы держите зашторенными, это хорошо. Звонок условный мне тоже понравился. Знали бы вы, сколько народу было застрелено через дверные «глазки»!

– Моя идея, – кивнул Серегин. – В кино каком-то видел, как мужика через «глазок» грохнули. А окна зашторены – это чтоб плохие парни в снайперов поиграть не пытались. Боря теперь провожает меня до двери, но думаю, с завтрашнего дня эту функцию возьмете на себя вы. Еще я звоню домой каждый час, проверить, все ли в порядке. Если Лена не ответит или ответит, но не вставит в разговор секретное слово, значит, надо бить тревогу.

– Да вы тут прямо круговую оборону заняли! – удивилась я. – Но на остановку выходить не стоило.

– Виноват, каюсь. Больше не повторится, – пообещал клиент.

– Еще один неприятный момент. Я не заметила у вас сигнализации.

– Правильно, ее и нет, – сказала Лена. – А ведь я, между прочим, еще год назад говорила.

– Ничего страшного, – поспешила я успокоить взволнованную женщину. – У меня с собой неплохой набор датчиков, микрофонов, камер и прочей дребедени. Вы не возражаете, если установлю их не только в подъезде, но и внутри квартиры? Просто на всякий случай.

– О чем разговор, Евгения Максимовна! – воскликнул Серегин.

– Хорошо, будем считать, что с этим вопросом разобрались. А как насчет непосредственно вас, Константин Вячеславович? Я понимаю, у вас работа, но не могли бы временно ограничить передвижения? Вы говорили, что вы соучредитель фирмы, почему бы попросту не свалить всю работу на партнера?

– На Димку? Об этом и речи быть не может. Ему ведь тоже угрожали, Евгения Максимовна. Как я ему после всего этого в глаза смотреть буду?

– Но ведь у вас жена, дети...

– Ну и что? У Димки тоже.

Вот как. Умекский женат вторым браком и уже успел завести детей. Похоже, с мотивами у него и впрямь негусто. Но окончательно вычеркивать его из списка подозреваемых пока рано.

– Простите, мне это почему-то и в голову не пришло, – сказала я. – Ну что ж, можно считать, что общие вопросы мы решили...

– А есть еще и частные?! – поразилась Лена. – Бог с вами, Женя, ночь на дворе. Прошу вас, давайте отложим их на завтра.

– Частный вопрос всего один, – успокоила я Лену. – У вас стремянка в хозяйстве найдется?

– Да, была где-то. А зачем она вам?

– Датчики, камеры, – напомнила я. – В общем, стремянка может мне понадобится.

– Евгения Максимовна, в самом деле, – поддержал жену Серегин. – Давайте отложим установку техники на завтра.

– Как скажете, – уступила я. – В квартире – завтра. Но в подъезде все-таки – прямо сейчас. Будьте уверены, я вас не побеспокою.

– Ну, вот и замечательно, – сказал клиент, вставая. – Пойдемте, я дам вам стремянку.

Процесс занял куда больше времени, чем я предполагала. Вначале я собиралась установить одну камеру перед дверью в квартиру и еще одну – у входа в подъезд, но постепенно вошла в раж и утыкала подъезд аппаратурой от подвала до крыши. Две – на этаже клиента, еще по одной – на межэтажных площадках выше и ниже, одну на входе в подъезд, одну в лифте и еще одну у лестницы на крышу. Как говорится, аппетит приходит во время еды. Немного подумав, я добавила еще и парочку микрофонов.

Тащить обратно в квартиру громоздкую стремянку я не решилась, опасаясь разбудить хозяев, поэтому бросила ее на лестнице, тихонько проскользнула в свою комнату, включила ноутбук и с полчаса любовалась плодами своего труда. Квартира превратилась в укрепленный бастион. Каждый квадратный сантиметр на подступах просматривался так, что муха не пролетела бы незамеченной. И это не было метафорой: заметив муху на стене, я дала максимальное увеличение и пересчитала лапки. Лапки были на месте, все шесть. Уснула я с чистой совестью.

2 июля, понедельник

Следующий день, как и любой другой, начался для меня в шесть утра. Хозяева еще спали, лишь из комнаты Егорки доносились какие-то невнятные шорохи: мальчишка явно тоже был ранней птахой. Прodelав обязательный комплекс утренней гимнастики и дыхательных упражнений, я снова включила ноутбук в надежде поближе познакомиться с Дмитрием Умецким. Не знаю, что я надеялась найти, но данные оказались довольно скудными: не имел, не состоял, нет, нет, не был, не привлекался. Тридцать четыре, русский, высшее, женат. Бывший спортсмен, ныне – генеральный директор процветающей фирмы. Прямо-таки образцово-показательный человек и гражданин получается.

– Среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в белой футболке и кепке. Знак ГТО на груди у него. Больше не знают о нем ничего, – пробормотала я строчку из детского стихотворения.

За моей спиной тихонько скрипнула дверь. Я обернулась. На пороге стоял Егорка, в трусах, но со вчерашней винтовкой в руках.

– Вооружен и очень опасен, – усмехнулась я. – Проходи, не стесняйся.

– Тетя Женя, а вы мне свой пистолет покажете? – заговорщицки прошептал мальчик, вскакивая на диван рядом со мной.

– Пистолет – слабое оружие. Хочешь, я тебе другое покажу?

– Как бомба? – округлил глаза Егорка.

– Еще мощнее. Вот, смотри. – Я развернула монитор так, чтоб Егорка мог видеть экран. – Это самое мощное в мире оружие. Надо только уметь им пользоваться.

– Это просто компьютер, – разочарованно сказал Егорка.

– Правильно. Но каждый компьютер содержит информацию. А информация сильнее всего.

– Тетя Женя, вы... – Мальчик замолчал, пытаясь подобрать нужное слово. – Вы шутите. Из пистолета можно убить человека. Атомная бомба может уничтожить целый город. А что можно уничтожить информацией?

У меня на языке так и вертелся свежий пример. Не далее как вчера Серегин рассказывал мне, как они с Умецким на пару уничтожали конкурентов. Но произнесла я совершенно другое:

– Целые страны. Например, так уничтожили страну, в которой родилась я, твои мама с папой и все-все взрослые, которых ты знаешь.

– Ух ты! Как в «Звездной смерти»! – восхитился Егорка. Я не сразу сообразила, что он имеет в виду эпизод из «Звездных войн». – А зачем у вас здесь мой папа нарисован? – спросил вдруг он, тыча пальцем в экран.

Я с опозданием сообразила, что забыла закрыть окно с фотографией Умецкого, и торопливо щелкнула кнопкой.

– Тетя Женя, а отчего взрослые разводятся? – спросил разом погрузневший Егорка. – Вот я понимаю, в нашем классе есть ребята, у которых... У Машки Вяземской папа маму бил, даже милиция приезжала. А у Антохи они сначала ругались, а когда развелись, мама сначала долго плакала, а потом стала пить. Но у моих мамы с папой ничего такого не было. Почему они развелись?

Я обняла мальчишку за плечи, прижала к плечу и провела ладонью по непослушным вихрам.

– Трудно объяснить, Егор. Вот ты кого больше любишь: маму или папу?

– Обоих. Одинаково.

– А дядю Костю ты любишь?

– Да. Он хороший. С ним весело.

– Кого ты любишь больше, папу или дядю Костю? – не сдавалась я.

– Не знаю... Тоже, наверно, одинаково. – С каждым словом голос Егорки звучал все менее уверенно.

– А маму и дядю Костю ты тоже любишь одинаково или кого-то меньше, а кого-то больше?

– Нет, маму, конечно, больше! – Это прозвучало тверже, чем «а все-таки она вертится».

– Вот видишь. А твоя мама любит дядю Костю больше, чем папу, только и всего.

В дверь тихо постучали.

– Войдите, – сказала я.

– Я вас не разбудил? – спросил вошедший Серегин.

– Нет, что вы, я всегда встаю в шесть, – ответила я.

– Так, – сказал Серегин, широко улыбаясь. – Молодой человек, вам не кажется, что вам еще рановато лезть в одних трусах в постель к симпатичным девушкам? Да еще и с оружием. Оружие сдать, штаны надеть, зубы почистить. И марш на кухню, мама уже завтрак готовит.

Егорка пошлепал босыми ногами в свою комнату.

– Ну, как настроение, Евгения Максимовна? – спросил клиент, продолжая улыбаться, хотя не так радостно.

– Боевое! – бодро ответила я.

– Замечательно. Идите тоже на кухню, если вы уже готовы. Боря должен подъехать через двадцать минут.

С последними словами улыбка угасла окончательно. Передо мной стоял усталый и не на шутку обеспокоенный человек.

По Боре можно было сверять часы. Едва мы успели покончить с кофе и бутербродами, как лежащий на столе мобильник дернулся, пискнул и снова затих. Должно быть, это значило «карета подана». Карета оказалась черным «Лексусом» с тонированными стеклами, а Боря – довольно приятным молодым человеком воздушно-десантного роста. Прежде всего мне бросилось в глаза, что мужчины пожали друг другу руки, а Боря, хоть и назвал клиента по имени и отчеству, вовсе не бросился открывать перед ним дверь, а спокойно полез на свое место. Похоже, в данном случае отношения между начальником и подчиненным строились не совсем обычным образом.

– Знакомся, Боря, это Евгения Максимовна, я тебе говорил. С сегодняшнего дня поступаешь в ее распоряжение, – сказал Серегин, устраиваясь рядом с шофером.

– Есть, – буркнул Боря.

Просто диву иногда даешься, как некоторым людям удастся вмести в одно короткое слово целую гамму чувств и бездну смысла. «Я глубоко огорчен, Константин Вячеславович, вашим мнением, что моей защиты может оказаться недостаточно. Меня до глубины души оскорбляет тот факт, что я вынужден буду подчиняться постороннему человеку, да еще и бабе. Разумеется, многоуважаемый Константин Вячеславович, раз уж вам такая блажь на ум пришла, подчиняться я буду. Беспрекословно. Но я, блин, не обязан делать вид, что меня это радует. И если, блин, она, блин, здесь надолго задержится – напишу, блин, по собственному, пусть, блин, ваша баба вас дальше охраняет!» Все это, а также еще великое множество выразительных средств русского языка Боря ухитрился упаковать в одно-единственное «есть».

– Борис, а как вас по отчеству? – спросила я, пытаюсь рассмотреть его отражение в зеркале над лобовым стеклом.

Шофер не ответил, только неприязненно глянул на меня.

– Ты уж лучше сразу скажи, – посоветовал клиент. – Евгения Максимовна – профессионал, все равно дознается.

– Карлович, – неохотно ответил Боря. – Но лучше просто Борей зовите.

– Вы немец? – удивилась я. – Ну и что здесь необычного? В Поволжье живем все-таки.

– А я не из поволжских, – сказал Боря. – Точнее, бабушка по отцовской линии, Марта Францевна, та да, поволжская, а все остальные мои предки в Россию только в прошлом веке попали.

– Вот как?

– Угу, – кивнул Боря. – Машины родители приехали в середине тридцатых коммунизм строить. Ну, Лаврентий Палыч Берия их сразу в лагерь загнал, как шпионов. Стройте, мол, себе на здоровье, раз уж неймется, но под присмотром. Ну а другой мой дедушка, Карл Иванович, еще позже в этих краях очутился, в сорок третьем. Он летчиком был, истребителем, сбили его под Сталинградом, попал в плен. Ну а уже при Хрущеве встретились в какой-то пивной два земляка, оба из Дрездена. Разговорились, подружились. Одновременно женились. У одного сын родился, у другого – дочь. Мои родители. Такие дела.

– Очень интересно, – задумчиво произнесла я. – Станный вы человек, Боря. Вроде бы историей семьи гордитесь, так интересно все рассказываете... А отчества почему-то стесняетесь.

– Да семья здесь ни при чем, просто актер такой был американский, Борис Карлов. Понимаете? Я Борис Карлыч, а он, сука, Борис Карлов. В ужастиках, гад, снимался.

– Ну, и что? – недоумевала я.

Боря в ответ только вздохнул.

– Это вы еще его фамилию не знаете, – медленно сказал Серегин, с любопытством рассматривая что-то за окном.

– О, у вас еще и фамилия экзотическая? – заинтересовалась я. – Уж не Шикльгрюбер ли?

– Почти угадали, – ухмыльнулся Серегин. – Боря, я ж тебе говорю, лучше сразу признавайся. Сопrotивление бесполезно.

– Не, у меня проще. Фюрер моя фамилия, – сдался Боря. – Но я не жалуюсь. Нормально. Даже удобно, погоняло придумывать не надо.

– Скажите, Боря, а вы говорите на языке своих предков? – спросила я по-немецки.

– Да, немного, – Боря тоже перешел на немецкий. – Дед научил. Плюс в школе.

– А вам приходилось бывать в Германии?

– Да, дважды, в детстве и сразу же после демобилизации. В Дрездене, конечно. Понравилось очень, красивый город.

– Стоп, стоп, стоп! – запротестовал клиент. – Ребята, я вам не мешаю?

– Успокойтесь, Константин Вячеславович, никаких коммерческих тайн Боря мне выдать не успел, – заверила я клиента. – Мы продолжали говорить о его семье.

– Замечательно, – хмыкнул Серегин. – Я не сомневался, что вы быстро подружитесь, но думал, что говорить будете больше про оружие, про карате и прочий узкоглазый мордобой. А вот немецкого не ожидал.

– Карате? – Борины глаза радостно блеснули. – Занимаетесь, Евгения Максимовна?

– Пятый дан, додзе дошинкан. Ну, и кое-что еще по мелочи.

– Додзе шотокан, первый дан. В следующем месяце на второй сдавать буду.

– Подсказал на свою голову, – пробормотал клиент. – Хватит трепаться, каратисты, блин. Тем более мы уже почти приехали. Вон наша избушка на курьих ножках.

Под «избушкой» Серегин подразумевал новый трехэтажный офис. Кроме того, что он был довольно красивым и удачно вписывался в окружающий ландшафт, он понравился мне еще и с чисто профессиональной точки зрения. Ажурные решетки на окнах, выполнявшие не только и не столько декоративную функцию, дополнительные раздвижные решетки за стеклянными дверьми, две камеры наблюдения у входа, собственная автостоянка, окруженная высоким кирпичным забором, стальные ворота и еще одна камера на въезде, две камеры на стоянке – все говорило о том, что еще при строительстве вопросам безопасности уделялось должное внимание. То же касалось и выбора места строительства: здание располагалось прямо напро-

тив областной прокуратуры. На входе держали оборону две миловидные секретарши, скучал за толстым стеклом охранник в бронежилете. Вот уж, действительно, мой офис – моя крепость.

Мы поднялись на третий этаж, где клиент сразу же повел меня знакомиться с Умецким. Тот оказался полной противоположностью Серегину. Круглолицый, невысокий, но широкий в плечах до чрезвычайности, он походил на бывшего тяжелоатлета, однако многократно сломанные уши свидетельствовали о том, что занимался он все-таки греко-римской борьбой. Пиджак хорошего делового костюма висел на спинке кресла, предоставляя окружающим возможность вдоволь налюбоваться дорогим галстуком и белоснежной рубашкой.

– Дмитрий Иванович, – представился Умецкий. – А вы, наверно, Евгения Максимовна. Серегин мне о вас уже все уши прожужжал.

– Очень приятно, – сказала я. – Я тоже много о вас слышала.

– Да? И что именно?

– Например, что вам тоже угрожали.

– Было дело, звонили два раза. Но мне телохранитель не требуется.

– Напрасно вы так, Дмитрий Иванович. Ситуация достаточно серьезная.

– Я понимаю, – кивнул Умецкий. – Но я и сам эту проблему решу, без вашей помощи. Я знаю, кто мне звонил.

– Опять ты за свое! – воскликнул Серегин. – Не слушайте его, Евгения Максимовна. Он вам сейчас...

Зазвонил телефон.

– Да, – сказал Умецкий, нажав кнопку включения громкой связи.

– Дмитрий Иванович, Константин Вячеславович случайно не у вас? У нас тут уже все собрались.

– Да, Таня, спасибо, он сейчас подойдет, – пообещал Умецкий.

– Замечательно. Я пока пойду собрание проведу, а вы тут пообщайтесь, – сказал Серегин, вставая. – Дим, будь человеком, не забивай Евгении Максимовне голову.

Серегин вышел. Из-за двери слышались аплодисменты. Разумеется, это была одна из тех новомодных заокеанских глупостей, вроде корпоративных вечеринок, которые обчитавшиеся Карнеги топ-менеджеры пытаются привить на российской почве, но я готова была поверить, что по крайней мере часть собравшихся аплодирует вполне искренне. Кажется, Серегин и впрямь популярен среди подчиненных.

– Так кого же вы подозреваете, Дмитрий Иванович? – спросила я.

– Не подозреваю, а знаю наверняка, – надул щеки Умецкий. – Вы в курсе, что с нас требуют конкретную сумму?

– Да, три с половиной миллиона долларов, – ответила я. – Константин Вячеславович мне говорил.

– Так, – сказал Умецкий. – И о том, что мы недавно взяли кредит именно на три с половиной «лимона», он вам тоже разболтал?

– Не разболтал, а поставил в известность, – парировала я. – Это очень важная деталь, которая может пригодиться мне в работе.

– Допустим, допустим, – пробормотал Умецкий. – Смотрите сюда. О кредите знают народу всего ничего. Нас двое, юрист, наш бывший финансовый директор плюс несколько работников банка. Да теперь еще вы.

– Кажется, понимаю, – кивнула я. – У вас недавно ушел финансовый директор?

– Не ушел. Я его уволил к едрене-фене.

– Даже так? – искренне заинтересовалась я. – И за что же, если не секрет?

– Не секрет, – качнул головой генеральный директор. – Он ахтунгом оказался.

– Ахтунгом? – переспросила я.

– Это интернетовский жаргон, – пояснил Умецкий. – Странно, я думал, что вы больше времени проводите в Сети. Этим словом обозначают... – Умецкий потрогал руками воздух, словно надеясь вытащить из него недостающее слово. – В общем, людей нетрадиционной сексуальной ориентации.

– Гомосексуалистов?

– Ну да, их самых, – кивнул Умецкий.

– Дмитрий Иванович, вы гомофоб?

– Нет, – покачал головой мой собеседник. – Фобия – это когда чего-то боишься, а здесь совсем другие ощущения. Отвращение какое-то, что ли... Вы женщина, вам не понять. Иной раз и в рыло дать такому брезгуешь, словно боишься какую-то пидористическую бациллу подцепить. А вообще я ничего против педиков не имею. Пусть живут себе на здоровье, долбают друг друга, но только не в моем городе, не на моей улице и уж точно не в моем офисе.

– Допустим, вы правы, – сказала я. – Но почему в таком случае ваш бывший финдиректор угрожает вам обоим, ведь, насколько я поняла, инициатором увольнения оказались вы?

– А ничего удивительного. Идея была моя, да. Костя к этому вообще спокойно отнесся, поржал, и все. Он и сейчас его всерьез не воспринимает. Но об увольнении Матвееву сказал именно он. Я его попросил. Боялся, что если сам пойду, то не удержусь и прямо здесь гниду закопаю. Такие вот дела, Евгения Максимовна. Послушайте, – сказал он с таким видом, будто ему в голову только что пришла гениальная идея. – Сколько Серегин вам заплатил?

– Это имеет какое-то значение?

– Ну, раз спрашиваю, значит, имеет, – фыркнул Умецкий. – Я вам заплачу столько же, если вы, вместо того чтобы повсюду таскаться за Костей, просто найдете Матвеева и из него выбьете дурь.

– Во-первых, вы меня с кем-то путаете, – сказала я. – Я телохранитель, а не наемный вышибала. Во-вторых, я не беру двойную плату за одну и ту же работу. В-третьих, занимаюсь не только непосредственным сопровождением, то есть не только «таскаюсь», как вы изволили выразиться. Лучшим способом защитить клиента я считаю ликвидацию угрозы. В-четвертых, обещаю обязательно проверить вашу версию. Мне она показалась весьма вероятной.

– Какая там, на фиг, вероятность! – снова фыркнул Умецкий. – У этой гниды был мотив и была информация. Кто, если не он?

– Например, кто-нибудь из ваших бывших конкурентов. Константин Вячеславович вкратце посвятил меня в некоторые подробности ваших методов ведения дел. А что цифра совпадает – это еще не доказательство. Вашего финдиректора, да и юриста, кстати, тоже, могли запугать или подкупить. В конце концов, они могли просто проболтаться.

– Во, блин! – Умецкий уставился на меня так, словно я на его глазах превратилась в северного оленя. – Ёпрст, мне это как-то в голову не приходило.

– Скажите, Дмитрий Иванович, почему вы предложили мне деньги за Матвеева? – спросила я, испытующе глядя ему в глаза. – У вас были какие-нибудь мотивы, помимо личной неприязни?

– Вы спрашиваете, боюсь ли я? – ухмыльнулся Умецкий. – Нет, плевать я на них хотел. Пусть посылают хоть киллеров с пистолетами, хоть танковую дивизию. Я еще не стар, слава богу, живо им бошки поотворачиваю. Но мотив у меня был, да. Костя мой друг. Такой друг, что я за него... – Умецкий потряс кулаком, не находя нужного сравнения. – Короче, вам не понять, вы женщина. А я ему этакую подставу нарисовал. То есть я думал, я его подставил, теперь уже не уверен.

– Понятно. Скажите, а я могу ознакомиться с личным делом Матвеева?

– Само собой! – Умецкий взял трубку, набрал номер и приказал: – Вика, занеси, пожалуйста, личное дело Матвеева.

– Дмитрий Иванович, к нам сейчас новый человек устраиваться пришел, – ответила кадровик. – Я как раз собеседование провожу. Можно я чуть позже зайду? Или вам срочно нужно?

– Срочно, но не до такой степени. Работай, – разрешил Умецкий. – А когда освободишься?

– Ну, не знаю, – замялась кадровик. – Наверное, где-то минут через двадцать.

– Хорошо. К тебе девушка подойдет, скажет, что от меня. Дашь ей личное дело Матвеева и вообще любое, чье только потребует. Все, давай.

Умецкий выключил связь и сказал:

– Извините, наш кадровик сейчас занят. Она скоро закончит... Да что я вам повторяю, вы же и так все слышали! В общем, возьмете у нее все, что понадобится. Но если вам нужно самого Матвеева найти, я и так скажу: в «Голубой устрице». Знаете такое заведение?

Я кивнула. «Голубой устрицей», по имени бара из старой американской комедии, у нас в городе называли ночной клуб «Наутилус». Клуб располагался на перекрестке улиц Лермонтова и Тридцать восьмой дивизии и с момента открытия снискал себе дурную славу. Нет, здесь не разбавляли спиртное, не торговали наркотиками, не проходили сходки местных бандитов. Но ни один уважающий себя тарасовец не рискнул бы показаться в окрестностях «Устрицы» ни днем, ни, тем более, ночью.

– Там-то я его и спалил, – сказал Умецкий. – Возвращался от друзей поздно вечером, остановился на светофоре аккуратно напротив этого петушатника. Сiju, никого не трогаю. Вот совершенно случайно в ту сторону посмотрел – и офигел. Выходит, значит, эта падла из «Устрицы», накрашенный, напмаженный, с другим гомосексом в обнимку, а тот его еще и рукой за задницу мацает. – Умецкий скривился так, словно я заставила его съесть ведро лимонов. – Смешно? Да ни хрена! Меня прямо на месте чуть кондратий не хватил. Я тогда впервые в жизни понял, что такое шок.

За стеной снова заплотировали, и через минуту в кабинете появился Серегин с пачкой каких-то документов в руках.

– Ну, как, наговорились? – спросил он прямо с порога. – Спасибо большое, Евгения Максимовна, до конца рабочего дня вы можете быть совершенно свободны. В этом здании на меня вряд ли кто покусится. Если только шахид-смертник.

– Да, это было бы новое слово в киллерстве, – улыбнулась я. – Не возражаете, если я осмотрю здание, с людьми поговорю? Особенно с теми, кто давно у вас работает.

– Нет, конечно, – отмахнулся Серегин и повернулся к Умецкому: – Дим, полюбуйся, – сказал он, протягивая тому документы.

Я вышла. Кадровик Вика, скорее всего, все еще была занята собеседованием, поэтому я решила осмотреть здание, начиная с женского туалета. В туалете подошла к окну и закурила.

Итак, одним подозреваемым стало больше, причем Матвеев более походил на шантажиста, чем Умецкий. Умецкому я почти поверила. Грубоватый, не великого ума, он, похоже, имел свои представления о чести и мужской дружбе. Как романтично. «Уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти», – всплыли в памяти слова старой песни. Неужели Умецкий попросту уступил жену лучшему другу? Он и в самом деле показался мне человеком, способным на театральные жесты. Если, конечно, он все это время не ломал комедию, разыгрывая из себя такого романтично настроенного солдафона.

Дверь тихо скрипнула. Я обернулась. За моей спиной стоял Боря. Я открыла было рот, чтобы поинтересоваться, какого дьявола он делает в женском туалете, но не успела. С подшагом, плотно сжав губы, телохранитель Серегина ударил меня ногой в бок.

Удар был настолько силен, что я отлетела на дверь туалетной кабинки, едва ее не проломив. Боря подскочил и, прежде чем я успела опомниться, заехал мне кулаком по уху. В ухе зазвенело, я наполовину оглохла, но еще больше разозлилась. Серия ударов, хотя и не достигла цели, заставила нападавшего отступить. Я ринулась в атаку, но Боря тут же опомнился и контр-

атаковал. Блок, удар, блок, удар, удар. Пользуясь превосходством в росте и силе, Боря действовал грубо и прямолинейно, мне едва хватало сил блокировать его. На моей стороне было превосходство в скорости и, разумеется, в опыте. Прямой, правый, снова прямой. Мы кружились, словно в каком-то диковинном танце, благо места в туалете оказалось предостаточно. Подъем ступни, кулак, локоть, пятка. Боря пропустил удар по ребрам и отступил, приняв классическую оборонительную стойку. Я атаковала и тут же пожалела об этом. В обороне Боря был гораздо сильнее, чем в атаке. Он играючи отразил серию ударов и рубанул меня ребром ладони по шее. Я едва успела присесть. Удар пришелся в то же самое ухо. Теперь в нем разом звонили колокола всех церквей Тарасова и округи. Меня отбросило на кафельную стену, и я едва удержалась на ногах. Что ж, могло быть и хуже. Не теряя драгоценного времени, Боря шагнул вперед, рассчитывая меня добить. Ну, держись, водила! Теперь я разозлилась по-настоящему. Оттолкнувшись от стены, шагнула навстречу, провела серию ударов, сменила ритм, сломала рисунок боя. Волчья впадина, кадык, колено, ключица. Боря охнул, когда мой кулак врезался в его солнечное сплетение. Что и говорить, мышечную броню он нарастил неплохую, но нервные узлы у него располагались там же, где и у всех остальных людей. Не давая ему передохнуть, я еще раз ударила в солнечное сплетение, добавила хук справа и обратным движением, развернувшись на пятках, рубанула ребром ладони в наружный угол глаза. Боря поплыл. Уже из чистой вредности я отступила на шаг и двинула его ногой в ухо. Боря медленно сполз на пол.

– Так тебе и надо, – мстительно сказала я. – На маму свою обижайся за то, что она тебе в детстве не сказала: девочек бить нехорошо.

Подойдя к зеркалу, я откинула волосы и полюбовалась на опухшее ухо. Оно налилось кровью и по форме здорово напоминало бракованный пельмень. К тарасовским колоколам подключились московские и, кажется, киевские. Вот скотина! Ничего, очухается – я его научу родину любить.

За моей спиной послышался шорох. Я резко обернулась, но было поздно, – Боря уже стоял на ногах. Возможно, это его в армии научили двигаться совершенно бесшумно, возможно, меня подвело поврежденное ухо, но факт оставался фактом. Я его проморгала. Но Боря не атаковал. Вместо этого он вдруг согнулся в вежливом поклоне и почтительно произнес:

– Домо аригато годзаимашьта, сэнсэй.

– Не за что, – зло ответила я. – Ты что, белены объелся?

– Не-а, – радостно улыбнулся Боря. – Я просто подумал: когда еще выпадет случай с пятым даном силами помериться? Да еще и не на татами, а в условиях, максимально приближенных к боевым.

Я сперва ушам своим не поверила, но простоватое лицо шофера лучилось такой детской радостью, что ни один Фома не усомнился бы в его искренности.

– Дурак ты, Боря, и не лечишься, – с чувством сказала я. – Я же тебя спокойно убить могла.

– Не-а, – Боря улыбнулся еще шире. – Ты же телохранитель. Ты бы меня сперва на лампочке за ноги подвесила, а потом долго и нежно спрашивала: кто послал, зачем, сколько заплатили?

– Дурак, – повторила я, сама улыбаясь неизвестно чему. – Но талантливый. Атака так себе, но с обороной все в порядке. Экзамен ты сдашь, не сомневаюсь. И вообще, пора уже о собственной школе подумать. А теперь выметайся, а то у меня сейчас пузырь лопнет.

Боря направился было к двери, но я придержала его за локоть.

– Постой, оружие-то у тебя есть?

– Само собой! – Боря откинул полу джинсовки и продемонстрировал мне кобуру с «макаровым», улыбаясь теперь уже и вовсе на ширину плеч.

– Все, свободен, – сказала я, придав ему дополнительное ускорение легким подзатыльником.

Боря вышел, насвистывая мелодию из «Генералов песчаных карьеров».

– Свистун, – сказала я, не переставая улыбаться.

Кажется, этот парень начинал мне нравиться. Во всяком случае, ухо я ему уже простила.

В этот день Серегин заработался допоздна. Я успела дважды осмотреть здание офиса сверху донизу, перелопатить личные дела всех работников фирмы и переговорить с доброй половиной из них. Когда же Серегин объявил, что можно ехать домой, на дворе уже начинало темнеть.

– Ну и как вам понравилась наша система безопасности? – горделиво спросил Серегин, накидывая ремень.

– Пять баллов, – честно ответила я. – Сигнализация отличная, камеры на уровне. Соседи хорошие, что тоже немаловажно. Боюсь даже представить, сколько денег вы на все это угробили. Телохранитель у вас замечательный.

– Спасибо, – живо откликнулся Боря.

– Что, уже сработались? – усмехнулся Серегин. – То-то я смотрю, у Бори синяк намечается. С утра вроде бы не было.

– Это мы так, для знакомства, – сказал Боря, косясь на свое отражение в зеркале заднего вида. – Я, если вам интересно, тоже в долгу не остался. Победила дружба.

На этот счет у меня было свое особое мнение, но высказывать его я не стала и вместо этого спросила:

– Константин Вячеславович, а вы не думали сменить место жительства? Если на работе вас и впрямь только смертник достать может, то дома вы – живая мишень. А этот завод напротив? Это же просто идеальная позиция для снайпера! Если бы я на вас охотилась, я наняла бы именно снайпера, а не тех двух гоблинов.

– Тем не менее в меня стреляли именно, как вы изволили выразиться, гоблины, – констатировал факт Серегин. – Как вы считаете, чем это может быть вызвано?

– Извините, ничего, что я вас слушаю? – поинтересовался Боря.

– А ты не извиняйся, – сказал Серегин. – Тебя это тоже касается. Но и на дорогу время от времени посматривай, а то никаких снайперов не понадобится. Или у тебя по этому поводу какие-то соображения есть?

– Да какие тут могут быть соображения? – удивился Боря. – У тех ребят, что с вас бабло трясут, просто денег на снайпера не было. Или связей. Ведь снайпера просто так не найдешь, верно? Объявлений в газетах они не дают, на биржу труда тоже в очередь не становятся.

– Логично, – кивнул Серегин. – А вы, Евгения Максимовна, что думаете по этому поводу?

– Согласна с Борей, – ответила я. – Но лишь отчасти. Вполне может быть, что у ваших недоброжелателей денег достаточно и связей тоже, но они рассчитывали обойтись меньшими затратами. «Экономика должна быть экономной» – этот лозунг справедлив и для преступного мира. Ваши позавчерашние гости очень похожи на одноразовых киллеров. Это широко распространенная практика: нанимают бывших уголовников, безработных, алкоголиков, наркоманов, снабжают их оружием, а когда работа выполнена, убирают и их самих. И все шито-крыто. Но более вероятным мне кажется другой вариант.

– Вот как? И какой же? – заинтересовался Серегин.

– Скорее всего, вас пытались не убить, а запугать. Отсюда и некачественная на вид работа.

– Что ж, очень может быть, – согласился Серегин. – Но мне больше понравился вариант с одноразовыми киллерами. Уж очень все это выглядело... реально, что ли. Если они старались меня напугать, то им это удалось.

– А мне кажется, что Же... Евгения Максимовна права, – вступил в разговор Боря. – Шеф, ну посудите сами, на кой хрен им вас убивать? Им ваш труп нужен или ваши бабки?

– Угрожали не только мне, но и Дмитрию Ивановичу. Из меня могут просто сделать образцово-показательный труп только для того, чтобы продемонстрировать ему всю серьезность своих намерений.

– Вы только не обижайтесь, Константин Вячеславович, – сказала я, – но мне показалось, что Умецкий – не тот человек, которого легко запугать. Я почти не сомневаюсь, что основная цель шантажистов – именно вы.

– Да, Димка скорее сам на рожон полезет, чем хоть гнутую копейку им даст, – согласился клиент. – Но ведь шантажисты могут этого и не знать, верно?

– Итак, – подытожила я, – мы ищем человека, который достаточно хорошо информирован о состоянии дел фирмы, в частности – о последнем вашем кредите. Но вместе с тем совершенно не знакомого с ее руководителями и потому слабо представляющего, кто из них является более легкой мишенью для шантажа.

Серегин промолчал.

– Уже подъезжаем, шеф, – нарушил молчание Боря. – Вас опять до этажа проводить или как?

– Да, конечно. Леня – грех. И если меня теперь еще и Евгения Максимовна охраняет, это еще не значит, что ты можешь филонить.

– Как скажете, – пожал плечами Боря.

Боря остановил «Лексус» напротив подъезда и пошел к двери. Я стояла возле машины, ожидая Серегина, который почему-то замешкался.

Пуля прошла так близко от моей головы, что я почувствовала, как шевельнулись волосы. И только потом грохнул выстрел. Я инстинктивно пригнулась, прячась за громадиной «Лексуса», и потянула из кобуры револьвер. «Накаркала!» – зло подумала я. Не было никаких сомнений, что в клиента стрелял именно снайпер и что работал он именно с территории заброшенного завода. Бах! Бах! Бах! Над моей головой загрели выстрелы. Я оглянулась. Боря зайцем скакал по тротуару, паля из пистолета. Одного взгляда на его лицо оказалось достаточно, чтобы понять, что он тоже не засек месторасположение стрелка и палит наобум, надеясь, что я добежу до бетонного забора раньше, чем снайпер выстрелит еще раз.

Не разгибаясь, я выскочила из-за машины и помчалась. На полдороге вильнула в сторону, упала, перекатилась, встала на одно колено и трижды выстрелила. Я не оглядывалась, но не сомневалась, что Боря понял мой маневр и теперь сам бежит к забору, пока я прикрываю его огнем. Над моей головой снова загрохотал пистолет, и я поняла, что не ошиблась. Каким-то непонятным внутренним зрением я словно увидела картину со стороны: я все еще стою на одном колене, водя стволом револьвера из стороны в сторону, а за моей спиной пляшет на полусогнутых Боря, сгорбившись и паля в белый свет, как в копеечку. Оставалось только надеяться, что нам попался неопытный противник: профессионала наши маневры только развеселили бы.

Я снова рванулась вперед. Добежала до забора, форсировала его одним прыжком и укрылась за выпуклым ржавым боком огромной цистерны, одиноко торчащей на заводском дворе. Перезарядила оружие, выглянула из-за укрытия. Снайпер работал с территории, но откуда именно? С трубы? Позиция хорошая, но оттуда трудно уйти незамеченным. С той самой цистерны, за которой меня угораздило спрятаться? Можно, но вокруг много куда более удобных мест. С крыши здания цеха? Исключено: дом клиента гораздо выше, и если снайпер сидит здесь уже давно, то сверху его было бы прекрасно видно, и хоть один бдительный сосед наверняка уже давно вызвал бы милицию. Изнутри? Там довольно высоко, но, похоже, всего один этаж, стрелять оттуда снайпер не смог бы, ему мешал забор. Но ведь под потолком наверняка должны быть какие-нибудь балки, эти непонятного назначения площадки из гулкого рифленого металла, мостовые краны... словом, много чего. Грязные, частично разбитые, частично заваренные листами железа, заколоченные досками или заложённые кирпичом окна велико-

лепно маскировали стрелка, обеспечивая вместе с тем хороший сектор обстрела. Да, пожалуй, на месте снайпера я выбрала бы позицию под крышей.

Сзади послышался шум, и я обернулась. Бледный как полотно Боря сидел верхом на заборе, отчаянно дергая зацепившуюся за торчащий прут арматуры штанину. Джинсы были прочными, железо еще прочнее. Я вскинула револьвер. Времени на прицеливание не было, если снайпер все еще здесь, более легкую мишень трудно представить. Можно только надеяться, что он пожалеет патрон на недотепу-телохранителя. В наступившей напряженной тишине выстрел прозвучал особенно громко. Или мне это только почудилось? Почти идеально. Пуля прошла немного выше или ниже, чем я надеялась, срезав прут лишь до половины толщины. Но этого оказалось достаточно: еще один рывок – и он не выдержал, надломился, освободив ногу шофера. Боря мешком свалился с забора, тут же вскочил и одним прыжком преодолел расстояние между забором и цистерной. То, что я услышала от Бори, было витиевато, но совершенно непечатно.

– Спасибо, – добавил он после короткой паузы.

– Готов? – вместо ответа спросила я.

Боря кивнул. Я помчалась к цеху, бросаясь от катушки для кабеля к груде битых ящиков, от ящиков – к ржавому трупу грузовика, от грузовика – к куче битого кирпича. Внутри вели высокие двустворчатые ворота. Когда-то они были заколочены досками и заперты на висячий замок, но сейчас одна створка валялась на земле, открывая проход в темное нутро цеха. Вжавшись спиной в нагретую солнцем кирпичную стену, я отсчитала три секунды и ворвалась, держа револьвер обеими руками. Пусто. Пол покрыт толстым слоем пыли, даже более светлые квадраты, отмечавшие места, на которых когда-то стояли станки, едва заметны. Мостовой кран демонтирован, видимо, еще при жизни завода. Железные лестницы, ведущие на второй этаж, срезаны, сама площадка до половины разобрана. По всему видно, что сюда давно не забредали ни охотники за цветными металлами, ни бомжи, ни местные алкоголики. Даже Егоркины ровесники, по всей видимости, предпочитали играть в войнушку где-то в другом месте. И уж кого здесь точно не было, так это снайпера.

– Никого? – спросил появившийся за моим плечом Боря, хотя это и так было ясно.

– Упустили, – ответила я. – Провел он нас, как детей малых. Понятия не имею, где он сидел, но ежу понятно, что ушел еще тогда, когда мы добирались до забора. Ну, что, пошли успокаивать клиента?

Однако Серегин не нуждался в успокоении, напротив, был весел и жизнерадостен еще более, чем обычно.

– Ну и как? – спросил он и задорно хохотнул.

– Ушел, гад, – сокрушенно кивнул Боря.

– Евгения Максимовна, давайте обойдемся без пощечин, – посерьезнел клиент, заметив мой взгляд. – Это не истерика, просто, знаете ли, как-то на душе полегчало. Когда ждешь, что вот-вот что-то случится – это одно, а когда уже случилось – совсем другое. Уверенность в завтрашнем дне появляется. Ночью ведь он уже не сунется, верно? Да и просто радуется, что никто не пострадал. Вы ведь не ранены, нет?

– Все отлично, шеф, – ответил Боря, – вот только портки постирать придется.

– И зашить, – добавила я, косясь на его штанину, из которой все еще торчала загнутая наподобие рыболовного крючка арматурина. – А еще лучше – выкинуть и купить новые.

– Точно, купить новые, – подхватил Серегин. – На премию, – добавил он и заговорщицки подмигнул шоферу.

– На всю? – обиделся Боря. – А почему так мало?

– Это не премия маленькая, это штаны дорогие, – успокоил его клиент.

– Спасибо, шеф, – сказал Боря. – Я вот только одного не понял, какого хрена этот дятел в меня стрелял? Мало-мало плечо не задел.

Я сперва удивилась, ведь чувствовала, что пуля прошла именно над моей головой. Но тут же поняла, что в момент выстрела мы с Борей находились на одной линии и пуля вполне могла предназначаться именно ему.

– Он вас просто перепутал, – предположила я. – Вы почти одного роста, издали и в сумерках вас вполне можно и не различить.

Мужчины согласились, но я сама с трудом верила в только что сказанное. Боря был гораздо шире в плечах, иначе одевался, и перепутать их, глядя в оптический прицел, сложно-вато. Неужели снайпер работал без оптики? Возможно, хотя и маловероятно.

– Ну, что, милицию вызывать? – спросил Боря.

– Да нет, – махнул рукой Серегин. – Смысла нет, кино-то уже кончилось.

Немного подумав, я согласилась. Стрелок уже далеко, все живы, а позицию снайпера я могла осмотреть утром и сама. Кроме того, на мое решение повлиял тот факт, что наши подвиги остались незамеченными. Время было достаточно позднее, по идее, по улицам сейчас должны были шататься без дела толпы подростков, но как назло, ни одного поблизости не оказалось. Граждане более младшего возраста как раз должны были покончить с домашним заданием и устраиваться спать, граждане более старшего наверняка поголовно сидели перед телевизорами. Даже на выстрелы никто не обратил внимания, решив, что это подростки балуются петардами.

– В таком случае, у меня есть одна маленькая просьба, – сказал Серегин. – Лене – ни слова. Не стоит ее лишний раз волновать. Да и вообще лучше никому не рассказывать, мало ли, кто ей потом разболтает.

– Не проблема, шеф, – пожал плечами Боря.

– Ну вот и замечательно. Жду тебя завтра как обычно. Как меня в офис привезешь – сразу же отвези Клавдию Львовну в банк. Сам к ней подойди, понял? Чтоб она тебя не искала.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись.

Как и предполагал Серегин, Лена кормила с ложечки Иришку и ни о чем не догадывалась. Серегин обнял жену, поздоровался с Егоркой и после короткого обмена новостями уединился с ним в детской, откуда скоро донесся залихватистый детский смех, изредка прерываемый басовитыми раскатами мужского. Я прошла в свою комнату и включила ноутбук, но поработать сегодня мне было не суждено.

– «Эй, мамбо! Мамбо италиано. Эй, мамбо! Мамбо италиано. Го, го, го, ю миксед ап сицилиано», – заголосил мобильник.

Я взглянула на номер. В телефонной записной книжке его не было, но я успела сегодня просмотреть список номеров сотрудников «Феникса» и именно этот номер запомнила с первого раза. Фюрер Борис Карлович, для друзей просто Боря.

– Да, Боря, – сказала я, нажав на «ответ».

– С чего ты взяла, что это я? – удивился Боря.

– Профессиональная тайна. Ты лучше скажи, откуда у тебя мой номер?

– Я тоже кое-что умею, – ухмыльнулся в трубку Боря. – Слушай, мне тут ценная мысль в голову пришла. Время еще детское, я на машине. Может, сходим куда-нибудь? В кино там или, например, в кафешку, по мороженому съедем?

– Боря, ты здоров? – спросила я, едва не выронив мобильник.

– Да, спасибо, здоров, как бык. У меня даже справка есть. Могу показать.

– Боря, радость моя! – воскликнула я. – На твоего шефа сегодня покушались. В него стреляли полчаса назад, если ты вдруг забыл. Даже не в него – в тебя. Ты другого времени не мог выбрать?

– Ну, стреляли, и что? Кстати, одна симпатичная девушка мне сегодня жизнь спасла. Когда я на заборе торчал, если она вдруг забыла. Имею я право угостить свою спасительницу мороженым или нет?

– Мне еще работать надо, – начала было я. И вдруг меня осенило. – Хотя ладно, уговорил. Работа не волк.

– Понял! Сейчас подъеду! – почти закричал Боря.

– Даже не думай! – запротестовала я. – Сама доберусь. Куда я тебя поведу в драных штанах? В общем, так, рули домой, переодевайся и будь через час на перекрестке Лермонтова и Тридцать восьмой дивизии, при галстукке и при цветах. И не пытайся отделаться розами, прояви хоть немного воображения.

– Будет исполнено! – пообещал Боря, и прежде чем выключила мобильник, я успела услышать, как он заорал какой-то лихой марш.

Я пулей помчалась в ванную.

Уже через пятнадцать минут сменила джинсы и футболку на короткое бордовое платье, подвела губы и переложила револьвер в сумочку. Глядя в зеркало, послала своему отражению воздушный поцелуй. Настроение взмыло до небес: возможность совместить приятное с полезным выпадает не каждый день. Ну, держись, водила!

И тут меня будто током ударило. «Фольксваген»! Я совсем забыла о своем дорогом «Фольксвагене»! Что ж, придется Боре проявить такую добродетель, как терпение: опоздаю я не меньше, чем на полчаса. А еще кое-кто получит по мозгам. Я заказала такси и, с трудом сдерживая ярость, набрала номер Шурика.

– Мир тебе, о госпожа моя и повелительница! – откликнулся механик. – Что прикажешь? Желает ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец?

– Дошло до меня, о нерадивый, – едва сдерживаясь от гневного крика, начала я, – что не закончил ты еще профилактику дивной арбы моей, «Фольксвагеном» именуемой.

– Клянусь бородой пророка, о прекраснейшая дева с лицом, подобным отрезку луны, слова твои – святая истина и могли бы послужить наставлением для поучающегося. Но клянусь гиеной и разбитым кувшином, вины моей в том нет, ибо аршин жестокосердия твоего не отмерил на труды мои достаточно времени.

– Скажи же, о сын ослицы и пустынного шакала, разве не обещал ты и не клялся именем пророка, что... – я окончательно запуталась в восточных витиеватостях. – Хорошо, ты выиграл. А теперь человеческим языком объясни, где моя тачка?

– Обожди, сперва вопрос. Окна твоего клиента на какую сторону выходят? На улицу или во двор?

– На улицу! – я все-таки не выдержала и перешла на крик.

– Ну, тогда выгляни в окошко, – хохотнул Шурик. – Дам тебе горошка.

Я бросилась к окну. «Фольксваген», мой милый «Фольксваген» стоял у подъезда целый и невредимый!

– Шурик, ты просто золото! – воскликнула я, выбежав из подъезда.

– Спасибо, я в курсе, – скромно ответил Шурик. – Я уже совсем рядом был, когда ты позвонила, пришлось тебе немного «Тысячью и одной ночью» мозги поканифолить. Для пущего эффекта. Но зря ты так рано его забираешь. Мне б еще пару дней, он бы у тебя бегал, как жеребенок.

– А сейчас что, не будет? – спросила я.

– Еще долго бегать будет и не кашлять, – заверил меня Шурик. – Но ты же знаешь, я привык добиваться от машины совершенства. Если клиент не возражает, конечно.

– Клиент возражает! – воскликнула я. – Нечего из моей машины совершенство делать, она и так почти идеальна. Ладно, вот деньги, как договаривались. Такси я уже заказала, скоро подъедет. Удачи!

– Бывай, – ответил Шурик, присаживаясь на лавочку и выуживая из мятой пачки сигарету.

Жизнь была прекрасна и удивительна. Жара наконец отступала, ночная прохлада полностью поглотила город, вспыхнувший цветными огнями. Мотор радостно пел, глотая километры, новенькие покрышки перешептывались с теплым асфальтом, встречные светофоры подмигивали мне зелеными глазками, словно старой знакомой. Даже немногочисленные в этот час гаишники казались добрыми и приветливыми. Я сама не заметила, как начала насвистывать какой-то веселый мотивчик, и я не сразу поняла, что подпеваю своему собственному мобилю, который, по всей видимости, тоже находился в прекрасном расположении духа.

– Да, тетя, – сказала я в трубку. Мне не понадобилось смотреть на экран, «Финская полька» стояла у меня только на одном номере, номере моей дорогой, лучшей в мире тети Милы.

– Женя, здравствуй! – воскликнула тетя. – Как твои дела, как работа?

– Спасибо, отлично. А у тебя?

– У меня тоже все хорошо. Женя, я вот зачем тебе звоню. Меня завтра весь день не будет, я с утра к подруге уезжаю и вернусь только поздно вечером. Помнишь тетю Галю? Мы с ней вместе работали.

– Да, конечно. У нее еще собака была.

– Да-да. Вот к ней я и уезжаю. А собачка ее давно уже померла... Так вот почему я звоню-то. Женя, ты взяла ключ от квартиры?

– Да, конечно, тетя Мила.

– Ну, вот и хорошо. Я просто подумала, мало ли что? Вдруг тебе дома что-нибудь понадобится, а меня не будет? Женя, а что это за звук? Ты в машине?

– Да, тетя.

– Это твоя машина? Значит, Шурик ее уже починил?

– Да, буквально полчаса назад пригнал, – ответила я.

– Правда, он просто прелесть? – спросила тетя, незаметно для самой себя настраиваясь на любимую волну. – Умный парень, работающий да и симпатичный.

– Тетя Мила! – с негодованием воскликнула я. – Кандидатуру Шурика мы уже обсуждали, если ты не помнишь. Он моложе меня на шесть лет. Ты же, кажется, в прошлый раз согласилась, что это слишком большая разница.

– На целых шесть? – искренне изумилась тетя. – Ай, не помню. А выглядит заметно старше. Взрослый, самостоятельный парень, и руки золотые.

Я решила промолчать, дав тете возможность выговориться.

– Женя, а куда ты едешь? – спросила тетя Мила, поняв, что ее попытка не увенчалась успехом.

– У меня назначена встреча, – ответила я, уже предчувствуя очередную атаку. И не ошиблась.

– С мужчиной? – моментально наострила ушки тетя Мила.

– Да, – вздохнула я. – Тетя Мила, это чисто деловая, рабочая встреча.

– В такое время – и деловая? – недоверчиво переспросила тетя Мила. – А он симпатичный?

– Ничего себе, – призналась я не столько тете, сколько самой себе. – Очень приятный во всех отношениях. Но, тетя, я повторяю, чисто деловое свидание, мы с ним вместе работаем. И потом, ведь ты же не хочешь, чтобы у твоей племянницы была фамилия Фюрер?

Похоже, Борова фамилия тетю шокировала. Во всяком случае, ответила она далеко не сразу и с куда меньшей уверенностью:

– Ну, так ведь фамилию ты можешь оставить и девичью. И потом, что плохого в фамилии Фюрер? А как он выглядит?

– Ну-у-у-у, – неуверенно начала я, пытаюсь составить Борин словесный портрет. – Рост около ста восьмидесяти пяти сантиметров, атлетического телосложения, волосы светлые...

Я замолчала, сообразив, что у меня получается ориентировка, в конце которой обязательно ляпну что-нибудь вроде «вооружен и очень опасен, при задержании соблюдать предельную осторожность».

– Короче, симпатичный. Послушай, тетя Мила, а давай я его сегодня сфотографирую и тебе фотографию покажу? Я как раз подъезжаю.

– Сфотографируй обязательно, если возможность будет. Ну а нет, так и бог с ней, с фотографией. Все, Женечка, целую.

– А я тебя.

Боря ждал меня в назначенном месте и уже начинал скучать. Он стоял, облокотившись на серегинский «Лексус», с погасшей сигаретой в правой руке и охапкой цветов в левой. Галстука на нем не было. По всей видимости, Боря принадлежал к тому типу мужчин, которые принципиально не признают пиджаков, галстуков и приличных костюмов вообще. Типа «Селедку не ношу, запахло». Но ради справедливости следовало заметить, что в пиджаке он выглядел бы куда хуже, чем в джинсовой куртке или в камуфляже.

– Привет! – Боря улыбнулся, щелчком отбрасывая сигарету и протягивая мне свой выдающихся размеров букет. – Вот, это тебе.

– Спасибо, – сказала я, критически осматривая гербарий.

С воображением у Бори было неважно, но он постарался искупить этот недостаток количеством, напихав в букет всю флору, которую только можно найти в Тарасове, кроме роз и лаврового листа.

– Борь, ты не станешь возражать, если я его в машине оставлю? Он только мешаться будет.

– Конечно, нет, – великодушно согласился не заметивший подвоха Боря. – Ну так что, я вроде бы мороженое обещал? А как насчет коньяка?

– Не возражаю, – улыбнулась я. – Вот только есть одна проблема: мы оба на колесах. Так что один из нас будет пить, а другой смотреть и облизываться.

– Да не проблема! – воскликнул Боря, обрадованный такой перспективой до глубины души. – Я могу и просто так посидеть, мороженого поесть. Вон, кстати, заведение какое-то. Интуиция мне подсказывает, что и коньяка, и мороженого там предостаточно.

Боря уверенно кивнул на сияющую неонов вывеску «Наутилуса», и я мысленно поздравила себя с успешным завершением первого этапа операции.

Брови дежурившего на входе охранника удивленно поползли вверх при виде симпатичной брюнетки в бордовом платье и мужчины явно традиционной ориентации. Однако он не произнес ни слова. Два – ноль в мою пользу. Не то чтобы я ожидала серьезных осложнений, но на входе вполне мог стоять кто-нибудь излишне впечатлительный. Стоило ему удивиться вслух, и весь замысел затрещал бы по швам. В полутемном зале мелькали разноцветные огни, гремела музыка, обнимались в танце однополые пары. Я украдкой бросила взгляд на Борю. Похоже, до него еще не дошло, куда именно он сам же меня и пригласил.

– Пошли! Вон столик свободный! – крикнула я, схватила его за руку и потащила в недра «Голубой устрицы», лавируя среди публики, ряженной то в женское платье, то в клепаную кожу, то в сетчатую майку, то попросту в рубашку нежно-голубого цвета.

Я снова покосилась на Борю и отвернулась, чтобы не рассмеяться. Лицо у Бори было точь-в-точь как у монашки, по ошибке зашедшей в бордель.

– Что будете заказывать? – поинтересовался выросший над столиком официант.

Его униформа состояла из манжет, манишки, черных стрингов и галстука-бабочки. Боря был близок к нокауту.

– У вас подают суши? А роллы? – спросила я. – Прекрасно. Мне какое-нибудь ассорти на ваш вкус. Единственное условие: наличие унаги-маки обязательно. И большой стакан сока. Если есть – тащите гранатовый, если нет – сойдет любой другой.

– А вам? – обратился официант к Боре.

– Мне то же самое, – пролепетал мой спутник.

– Борь, а почему ты галстук не надел? Я ведь просила, – сказала я. – Глянь, у молодого человека какой.

Боря глянул на официанта и поспешил отвернуться.

– Нет у меня галстука. Точнее, есть, но к галстуку еще и костюм нужен, верно? А костюм у меня всего один, аж с выпускного остался.

– Напрасно. Тебе бы очень пошел галстук, – слегка слукавила я. – Вроде как у того мужчины вон за тем столиком.

Боря представил себя в одежде «того мужчины», и даже в царящей в зале полутьме я совершенно четко увидела, как волосы на его голове шевельнулись. Пожалуй, стоило дать ему передохнуть, а то еще, чего доброго, в обморок грохнется или глупостей наделает.

– Слушай, я вот о чем хотела тебя спросить. Чем тебе так Борис Карлов не угодил? Очень даже приличный актер, по-моему.

– Да я, если честно, ни одного фильма с ним не видел, только фамилию слышал, – признался Боря. – Он ведь давно снимался, то ли в тридцатые годы, то ли в пятидесятые, верно?

Я кивнула.

– Мне просто его псевдоним не нравится, – продолжал мой спутник. – Он ведь, падла, не от фонаря его выдумал, он под русского косил. Русские – значит, страшные. Короче, обычный америкосский русофоб. Ну, и за что я его, гада, любить должен?

– Все с тобой ясно, – сказала я. – Сейчас модно быть патриотом, любить Россию и поругивать американцев.

– При чем здесь мода? – возмутился Боря. – Я человек простодушный. Что думаю, то и говорю. Родители так воспитали. Блин, ты бы еще предложила в Германию на ПМЖ уехать!

– Кстати, да. Можешь считать, что предложила. Жить в России – это прямо-таки сверхнепатриотично по отношению к родине твоих предков. Население Германии медленно, но верно сокращается, в то время как ты, этнически стопроцентный немец, истинный ариец, я бы даже сказала, живешь в России. Где твоя пролетарская сознательность, Борь?

– А я не виноват, что так получилось. Да, родина моих предков – Германия, но моя – Россия. Я ведь тебе говорил, что бывал в Германии? – спросил Боря, макая в соус кусочек унаги. – Так вот, совсем другие ощущения. Я знаю язык, у меня там, оказывается, куча родственников, Дрезден мне очень понравился. Красивый город. Было ощущение чего-то родного, не спорю. Что-то в крови, наверно. Чувствовалось, что это дом моих предков. Но не мой. Я живу здесь, понимаешь? Мне нечего стыдиться деда или другой родни: они тоже любили свою родину, один даже воевал за фатерлянд и фюрера. И хорошо воевал, между прочим, шесть самолетов сбил. Я просто родился и вырос здесь, так уж получилось. Я не умею любить другую страну и никогда не научусь.

– Извини, – сказала я. – Не думала, что это настолько болезненная тема.

– Да ничуть не болезненная, – заверил меня Боря. – Для меня это естественно, как дышать и чистить зубы. Но почему-то рано или поздно у каждого из моих знакомых возникает вопрос: Борь, а что ты здесь делаешь?

– Насчет зубов красиво сказал, – похвалила я. – Ты случайно стишки в юности не пописывал?

– Стишки не пописывал, а вот тексты для песен – это было, – усмехнулся Боря. – И кроме того, и на басухе бацал. Своя команда у нас была. Жарили рок-н-ролл так, что только пыль столбом. У меня записи сохранились, могу дать послушать, если интересно. Ты вообще какую музыку слушаешь?

– Ничего конкретного, я в этом плане совершенно всеядна, – ответила я. – У меня другой пунктик: я киноманка. Жизни себе без кино не представляю.

– И какие именно фильмы тебе нравятся? – заинтересовался Боря.

– Ничего конкретно, – ответила я. – У меня нет любимого жанра, актера или, скажем, режиссера. По мне главное – чтобы фильм был хороший, а для этого усилий одного человека часто бывает недостаточно. Да и у мастеров случаются ошибки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.